

УДК 811.16, 811.163.1

UDC

DOI: 10.17223/18572685/68/15

Семантика смягчительности в старославянском и русском языках (на материале глагольной лексики)

Ю.В. Филь¹, И.Я. Конончук²

^{1,2} Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: 2fil@inbox.ru

² E-mail: ineskon@mail.ru

Авторское резюме

Исследуются глаголы со смягчительным значением в русском и старославянском языках; описаны частные значения диминутивности в сфере обозначения действия; определены исконности/заимствованности для данных языков префиксальных моделей с по-, при-, под- с семантикой «делать что-либо слегка, не прилагая особых усилий, не в полную меру, недолго, некоторое время». Работа основывается на положениях исследований славянской языковой картины мира, отраженной средствами деривационного уровня. Отмечается, что глаголы с упомянутыми приставками, характеризующиеся высокой продуктивностью в современном русском языке, указывают на смягченный характер обозначаемого действия, выполненного не в полной мере и/или оцененного как таковое, и отражают черты, свойственные менталитету носителей русского языка (неопределенность, эмоциональность, склонность к рефлексии). Выявляется незначительное количество единиц со значением неполноты и ограниченности действия, зафиксированных в старославянских, а также в древнереческих лексикографических источниках; отмечаются явные различия в оттенках смягчительности по сравнению с русским языком; рост глагольных единиц со значением неполноты действия в церковнославянском языке; расширение спектра частных значений смягчительности. Различие в диминутивных глаголах старославянского и русского языков связывается с особенностями мировосприятия представителей данных лингвокультур. Делается вывод об исконности «смягчительных» моделей для русского языка, значимости для носителей языка данного типа семантики, характеризующей обозначаемые действия с количественного, результативного, временного и других аспектов, актуальных для сферы русского глагола.

Ключевые слова: русский язык, старославянский язык, церковнославянский язык, префиксальный глагол, диминутивная семантика.

The semantics of attenuation in the Old Slavonic and Russian Languages (based on verbal vocabulary)

Y.V. Fil¹, I.Y. Kononchuk²

^{1,2} Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: 2fil@inbox.ru

² E-mail: ineskon@mail.ru

Abstract

The article dwells on the verbs with a diminutive meaning in Russian and Old Slavonic. It describes particular diminutive meanings in action designation and determines originality of prefix models with *po-*, *pod-*, *pri-* with the semantics “to do something a little, without making special efforts, not to the full extent, not for long, for some time” for these languages. The work is based on the studies of the Slavic language picture of the world reflected by derivational means. The authors claim that verbs with these prefixes are highly productive in the modern Russian language. They indicate the diminutive nature of the designated action not fully performed and/or evaluated as such and reflect the mentality of native Russian speakers (uncertainty, emotionality, reflexivity). Old Slavonic and Ancient Greek lexicographic sources contain a small number of units with the meaning of incompleteness and limitation of action. The authors emphasise different shades of attenuation in comparison with the Russian language, an increasing number of verbal units with the meaning of incomplete action in the Old Slavonic language, and the expanded range of particular meanings of attenuation. The difference in diminutive verbs of the Old Slavonic and Russian languages is associated with the peculiar worldviews of their speakers. The authors conclude about the original “attenuation” models in the Russian language. They argue that it was important for native speakers to characterise the designated actions from quantitative, productive, temporal, and other aspects relevant to the sphere of the Russian verb.

Keywords: Russian language, Old Slavonic, Church Slavonic, prefix verbs, diminutive semantics.

Данное исследование направлено на изучение одного из многообразных видов аспектуальных значений русского глагола – смягчительного (дими́нутивного или аттенуативного в другой терминологии), представляющего не только актуальные для носителя языка смыслы, реализующиеся при отражении действия, но и определенные черты самих носителей языка (*чуть-чуть приоткрыть, немного приспустить, слегка приободрить, полстакана подлить, немного подзабыть, слегка поизноситься, чуть-чуть поворчать* и т. д., т. е. делать/сделать что-либо не в полной мере, слегка, некоторое время). Как представляется, зона количественной аспектуальности наиболее значима для славянских языков, имеет длительную историю формирования, сочетает как денотативный, так и аксиологический смысловые компоненты, которые маркируются префиксальными, реже суффиксальными морфемами.

Развитая дими́нутивная деривация (и именная, и глагольная) представляет собой специфическую особенность русского языка, объединяющую его с другими славянскими языками и отличающую от деривационных систем других (индоевропейских и неиндоевропейских) языков [21: 195]. По всей видимости, выделенность «дими́нутивного фрагмента» в картине мира, готовность одних языков к активному использованию дими́нутивных единиц и сопротивление в отношении их образования и использования других языков свидетельствуют о ценностном предпочтении носителей данного языка, действию определенных стереотипов, особенностях национального характера [13: 86].

Таким образом, наше исследование вписывается в ряд работ, посвященных описанию динамической картины мира, демонстрирующих необходимость и продуктивность обращения в этом аспекте к деривационному уровню, который не в меньшей степени, чем лексический, обладает особой национально-культурной спецификой (см. работы Т.И. Вендиной, О.А. Дмитриевой, А.А. Зализняк, А.Д. Шмелева, Е.В. Петрухиной, З.И. Резановой и др.). Говоря об этническом своеобразии языковых картин мира, З.И. Резанова отмечает яркую черту русского языка – «включенность деривационных механизмов в формирование комплекса оценочных смыслов при явной предрасположенности к насыщению выражаемых рационально-оценочных смыслов эмоциональностью» [8: 196]. В работах Т.И. Вендиной, А.А. Зализняк, А.Д. Шмелева, Е.В. Петрухиной особое внимание уделяется реконструкции древней славянской культуры, сопоставлению близкородственных славянских лингвокультур, как в целом, так и в их отдельных фрагментах. Не обойдена вниманием и русская языковая картина мира, по мнению исследователей, представленная

среди прочих такими семантическими доминантами, как повышенная эмоциональность, высокая оценочность, склонность к рефлексии и саморефлексии, дифференциация рационального и эмоционального, неагентивность, некатегоричность, осторожность, неконтролируемость, неопределенность и др. (см. исследования Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, Г.И. Гущиной, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, А.Д. Шмелева, Е.В. Петрухиной, а также проект томских исследователей, представленный в серии монографий «Картины русского мира»). В сфере обозначения действия в русском языке специфичным является обязательное (даже в большей степени, чем в других славянских языках) «выражение внутренней динамики действия, отражение существования и изменения бытия в самой структуре глагольного значения – в грамматических видовых и аспектуальных словообразовательных признаках глагола» [11: 427], маркирующихся префиксами. При этом посредством приставок можно передать широкий спектр смыслов, отражающих названные выше черты русского менталитета. Так, средствами вербализации некатегоричности, эмоциональности, оценочности, неопределенности служат многочисленные в русском языке глаголы с семантикой ослабленного действия («делать что-либо слегка, не прилагая особых усилий, не в полную меру, недолго»): *Когда заиграла музыка, Давиду захотелось вынуть из кармана коробочку, на мгновение **приоткрыть** её, чтобы куколка не простудилась, и показать ей музыкантов* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба); *Но после обеда необходимо вернуться к работе, не поддаваясь соблазну **прилечь** на часок-другой* (Светлана Беляева. И это пройдет // Поиск); *Желая перевести дух, я стал искать местечка, где бы мог **присесть** и немного **пооглядеться*** (М.Н. Загоскин. Вечер на Хопре); – *Вот и хорошо. Нам надо немного **пообсохнуть**.* – *Ну ладно* (Борис Левин. Инородное тело); *Решая немного **подзаработать** у китайцев, Паскуале чудом остается жив* (Анна Василенко. Под маской Гоморры // Криминальный отдел); *Урожаен (4–5 кг с куста); устойчив к болезням и вредителям; однолетние побеги могут **подмёрзнуть**, но растение обладает хорошей восстановительной способностью* (Ю. Горбунов. Лох за калиткой // Наука и жизнь) [10].

Как считает Н.Д. Арутюнова, «язык постоянно ищет баланс между неполнотой информации и необходимостью вынести о ней истинное суждение», в результате чего он «избегает категоричности» и обладает целым спектром многочисленных знаков приблизительности (*более или менее, когда-то, какой-нибудь, около* и т. п.) [2: 5–6]. Представляется, что в сфере глагола такими маркерами как раз и являются приставки со смягчительно-ограничительной семантикой – **при-, под-, по-**. Данные единицы выступают в роли операторов (в терминологи-

гии В.А. Плунгяна, М.А. Кронгауза и др.), «преобразующих исходное значение глагола», сфера их действия – семантика глагола [12: 102]. Приставка-оператор указывает на преобразование значения производящего глагола, в то время как сам глагол указывает на понятийную область, в рамках которой происходит подобное преобразование, т. е. придает качественную специфику единице, параметры которой указаны приставкой. По мнению В.А. Плунгяна, единицы с подобным функционалом (будь то приставки, послелого, наречные слова и др.) крайне распространены в языках [12: 101].

Несмотря на различие в наборе префиксов, маркирующих семантику неполноты действия, в степени их частотности, в спектре частных значений смягчительности (ослабленность, временная ограниченность, второстепенность и т. п.), славянские языки могут быть охарактеризованы как языки со значительным количеством подобных глагольных единиц. Любое действие, осмысленное человеком и отраженное в глагольной единице, представляется носителями языка как имеющее свои параметры, свою степень результативности относительно определенного стереотипа протекания этого действия (ср. *солить* – *посоли́ть* – *недосоли́ть* – *пересоли́ть* – *насоли́ть* – *присоли́ть* – *подсоли́ть* и т. д.). При общности количественных параметров оценивания действия и его результата, принятых в славянских языках, частные значения префиксов, их инвентарь, продуктивность тех или иных «смягчительных» приставок в разных языках варьируются.

В качестве объекта данного исследования нами выбраны глаголы смягчительного способа действия в русском и старославянском языках. Подобные единицы обозначают действие с оттенком неполноты, префикс смягчает полноту проявления действия (за счет сокращения времени его протекания, незначительности результата, неосновного характера данного действия), оценивают его значимость, эффективность. В итоге действие представляется как совершаемое / совершенное немного, слегка, некоторое время, понемногу и время от времени.

Цель исследования – путем сопоставительного анализа указанных старославянских и русских глаголов оценить возможность заимствования «смягчительной» модели из старославянского языка в русский. Часто иноязычные единицы при заимствовании легко ассимилируются и становятся «базой деривации для новых слов по издревле сложившимся продуктивным для языка словообразовательным моделям, тем самым служа доказательством, что этнокультурные особенности ярче всего проявляются в языке его носителей» [20: 161]. Поэтому вполне естественным представляется предположение о возможном влиянии старославянской глагольной подсистемы на русскую, переходе определенных префиксальных моделей (в том

числе со смягчительно-ограничительными приставками) из старославянского языка в церковнославянский и дальнейшем развитии их на почве русского языка.

История изучения глаголов с семантикой смягчительности смыкается с общей аспектологической традицией и наиболее полно отражается в работах А.В. Исаченко, А.В. Бондарко, М.А. Шелякина, Е.В. Петрухиной, М.А. Кронгауза, А. Макаровой и др., в которых отмечается круг основных значений приставок и глаголов в смягчительном значении, их семантические пересечения, особенности функционирования подобных единиц, в том числе зависимость от контекста, синонимия приставок **при-** и **под-**, большая смысловая абстрактность **по-**.

Наиболее значимыми в аспекте предпринятого исследования являются работы З.И. Годизовой, О. А. Димитриевой, Л.В. Табаченко, Л.И. Ройзензона, в которых рассматриваются история префиксов **при-**, **по-**, **под-** в русском языке, постепенное формирование вторичных смягчительных значений наряду с первичными пространственными, участие в видовой корреляции, деривационный потенциал.

Смягчительные глаголы предполагают сравнение реально совершаемого действия (в ослабленной степени, ограниченного по времени) с типичным (протекавшим в полной мере, за обычный для него временной период). Приставки в подобных единицах выполняют одновременно несколько функций: дескриптивную (обозначают действие совместно с глагольной основой), оценочную (указывают на характеристику количественного объема действия и качество результата; меньше, чем обычно, следовательно, менее значимо, чем обычно, возможно, второстепенно, дополнительно) и игровую – являются показателями намеренной саморефлексии или рефлексии в отношении обозначаемой ситуации, иронии; носителями языка осознается, что не всегда действие, обозначенное как выполненное неполно, таковым является, ср.: *привстал со стула и сразу же сел и встал и пошел; приоткрыл дверь, чтобы в щелочку подглядывать, и приоткрыл дверь так, что с ног сквозняком сносит*. В данных глаголах часто выражается несколько снисходительное, но доброжелательное отношение к действию и его субъекту [7: 120], а неопределенность в характеристике действия может быть вызвана «дипломатическими ходами», «стилистическими приемами» [1: 184].

Остановимся на исследуемых глаголах подробнее. Наиболее древними среди рассматриваемых единиц считаются глаголы с префиксом **при-**, выступающим в качестве первичного и вторичного. По мнению З.И. Годизовой, интенсивные значения приставки (в том числе смягчительное) сформировались в старорусском языке, но отдельные

единицы со значением неполноты действия отмечались уже в древнерусский период [4: 34]. На продуктивность префиксальной модели с вторичной смягчительной приставкой **при-** в древнерусский период указывает Л.И. Ройзензон [14: 76]. Не перестают быть продуктивными данные единицы и в современном русском языке, это глаголы движения, речи, физического воздействия, состояния, ментальные глаголы (*привстать, приумолкнуть, принадвинуть, приоткрыть, привянуть, приозябнуть, призадуматься* и т. п.).

К смягчительным глаголам с **при-** следует отнести глаголы с приставкой в значении «дополнительного воздействия на объект, прибавления чего-то к тому, что уже имеется». В данном случае это значение не отменяет диминутивного оттенка единицы, значения смягчительности и дополнительности логически взаимосвязаны: часть объекта, которую прибавляют, обычно оказывается меньше самого объекта, к которому происходит прибавление (*признять денег, принаять работников, прикупить ещё зерна*) [9: 132]. Аналогичная семантика характерна и для глаголов с префиксом **под-** (*подлить воды, подзаработать денег, подгладить платье*), которые обозначают «ситуации, воспроизводимые повторно», «с какими-то уменьшенными исходными параметрами», «с ослабленной интенсивностью», в результате чего «возникает очень важное неравновесие исходной и производной ситуации: приставка **под-** вводит заведомо редуцированную, “уменьшенную” реализацию исходной ситуации» [12: 110].

Следующую группу глаголов с исследуемой семантикой составляют единицы с приставкой **по-** ограничительного (делимитативного) способа действия, способной сочетаться с широким кругом глагольных основ: глаголы конкретного физического действия, местопребывания, перемещения, движения, состояния, интеллектуально-психической деятельности (*посидеть, полежать, повыждать, пооглядеться, пораздумать, поиздержаться, поизмываться* и т. д.). Подобные глаголы обозначают небольшую «порцию» действия, ограниченного временем [7: 111].

Ограниченность действия может проявляться по-разному: за счет ограничения длительности действия (*повыждать немного, побыть с часок*), ограничения количества объекта или воздействия на объект не тотально, а в некоторых местах (*позалатать рубашку, повыдавать пасты*), смягчения проявления действия, его малой степени интенсивности (*немного порасспросить, порассказать*). По мнению исследователей, пространственное значение данный префикс в русском языке довольно рано сменил на количественное [4], при этом наиболее продуктивным он оказался в прерывисто-смягчительном

значении в комплексе с суффиксами **-ыва-/ива-** «делать что-то понемногу, время от времени» (*покалывать, покашливать, побаливать, подумывать*; ср. также *подшучивать, прихрамывать*). З.И. Годизова отмечает, что подобные глаголы достигают самой высокой активности в русском языке в XVII в. [4: 33].

Менее продуктивными в русском языке (в сравнении с **при-** и **по-**) глаголами со смягчительной семантикой являются единицы с префиксом **под-**. Среди подобных единиц выделяются глаголы физического воздействия на объект, движения, состояния, некоторые глаголы ментально-психической сферы (*подзатянуть, подлить, поднажать, поднатужиться, подзавянуть* и *подвянуть, подзамёрзнуть* и *подмёрзнуть, подразведать, подпортить* и т. д.). Отметим, что подобные единицы в большей степени характерны для литературного языка, чем для говоров, они практически не зафиксированы в диалектных словарях, а также малоактивны в других славянских языках [9].

Итак, в русском языке функционируют следующие типы единиц с префиксами **при-**, **по-** и **под-** с разными оттенками смягчительного, ослабленного значения.

1. Глаголы с чистым смягчительным значением, предполагающие осуществление действия или проявление состояния в несколько ослабленной степени по сравнению с обычным протеканием данного действия (*привстать, подзабыть, поосмотреться*).

2. Глаголы с ограничительным значением приставки, как следствие, предполагающим неполное, «смягченное» действие, совершенное в течение некоторого, чаще непродолжительного времени, не успевшее достичь полноты результата (*поахать, поспать, поразмяться*).

3. Глаголы, сочетающие в себе дополнительное и смягчительное значения, отображающие действие как добавление, дополнение, прибавление к чему-либо основному (*приписать, подзаработать*), которое расценивается как меньшее по объему и результату, второстепенное по сравнению с основным.

4. Глаголы с прерывисто-смягчительным значением, обозначающие действие, протекающее с неопределенной длительностью и повторяемостью, с перерывами, время от времени, в ослабленной степени (*покачивать, подкашливать, прихрамывать*).

Таким образом, в русском языке отмечается количественное (более 900 единиц [15]) и качественное разнообразие «смягчительных» глаголов, при этом некоторые единицы не зафиксированы в словарях, однако функционируют в речи (*притупить* (немного не понять), *подперчить* (добавить немного скабрёзности в текст) и др. [10]). В целом префиксальные «смягчительные» модели представляются продуктивными.

На следующем этапе исследования был рассмотрен материал старославянского языка. Объектом исследования в данном случае выступали глаголы, зафиксированные в словарях старославянского языка [17; 18].

Проведенный анализ глаголов с префиксами **при-, по-, под-** позволяет утверждать, что в преобладающем большинстве данные префиксы использовались в старославянском языке в пространственном или результативном значении: **приклонити; привязати; прикасати ся; подложити; подвести; поддържати; подвисати** – двинуть, поднимать; **повести; побьлити** и т. д. [17; 18]. Однако единичные случаи указанных оттенков смягчительной семантики у старославянских глаголов все-таки встречаются. Среди них глаголы с префиксом **по-** в ограничительном значении: **повити** – повить, обернуть (разово, некоторое время); **пожити** – жить, пожить (недолго, некоторое время); **походити** – ходить, походить, обходить; с префиксом **при-** в смягчительном значении: **приломити** – надломить, и в значении дополнительного действия (в том числе с оттенком диминутивности) – **прикладати** – прибавлять; **прикоупити** – заработать, присоединить; **придати** – добавить, прибавить [17; 18]. Среди глаголов с префиксом **под-** глаголов со смягчительной семантикой не найдено.

При этом отмечается вариативность значений префиксов, сохранившаяся и в современных языках. Так, у префикса **по-** варьируются диминутивно-ограничительное и дистрибутивное значения: **пожити** – пожить недолго и **повьпрошати** – расспросить всех. Подобная вариативность нейтрализуется в контексте (как в ближайшем, т. е. в сочетании префикса и глагольной основы, первичного и вторичного префиксов, так и в расширенном – в предложении через соседнее окружение глагола). Ср. **побыти** (побыть некоторое время): **Тьмъ же и воєводьскыи санъ приимъ и побысть в немъ мало / побьгати** (убегать): **Вьси побьгаахъ** [18].

Префикс **по-** в своей семантике не имеет направленности на какой-то пространственный предел (в отличие от **при-** или **под-**) и развивает ряд значений, маркирующих завершенность действия, начало движения (в современном русском языке префикс также характеризуется наиболее абстрактным среди других приставок значением, свободным от указания на пространственные ориентиры, наиболее близким к значению общего результата). Конкретное перемещение объекта со временем стало расцениваться как абстрактное действие вообще. Такая семантическая эволюция префиксальной семантики естественна для славянских языков, где развивались категория степеней действия, а затем категория вида. Судя по частотности данных единиц в старославянском, а затем в церковнославянском языке,

они могут расцениваться как вполне узуальные глагольные образования, в высокой степени продуктивные. Значение префикса в ряде случаев пересекается со значением глагола, налагается на него, в итоге приставка ассимилируется глагольной основой. Это особенно видно в глаголах **пони́кати**, **посла́бити**, в которых отмечается скорее общерезультативное значение приставки, чем ограничительное (что подтверждается дефиницией: **пони́кати** – опускаться, **посла́бити** – ослабить, развязать).

Проведенный анализ старославянского материала позволяет утверждать, что глаголы со значением неполноты и ограниченности действия представлены в старославянском языке, однако количество подобных единиц, зафиксированное в словарях, крайне незначительно. Отметим, что описание значения старославянских глаголов в словарях прежде всего сосредоточено на лексической семантике всей единицы (часто без учета значения префикса, в отличие от лексикографических источников церковнославянского языка), в том числе на ее соотносительности с соответствующей древнегреческой единицей. Поэтому далее были рассмотрены древнегреческие аналоги исследуемых старославянских глаголов как возможные источники значений неполноты действия, воспринятые старославянскими единицами через прямое значение смягчительности, ограниченности, дополнительности или через семантические трансформации других значений префиксальных единиц.

Анализ древнегреческих аналогов старославянских глаголов с приставками, способными выражать значение неполноты, смягчительности, добавочности и т. п., демонстрирует значительное многообразие данных единиц, в их семантике отмечается акцент на пространственные пределы действия, его результативность.

Так, например, у глагола **по́ходити** (ходить, походить, подходить) в словаре зафиксирован древнегреческий аналог **ἔρχεσθαι**: 1) приходить, прибывать; 2) приходить на помощь и др. Древнегреческий аналог глагола **повъпрошати** (спросить, спросить) **ἐπερωτᾶν** имеет значения: 1) снова спрашивать; 2) спрашивать; 3) вопрошать и т. д. В нескольких зафиксированных в словарях единицах с **под-** отмечается пространственное значение префикса как в старославянском, так и в древнегреческом языках: **подъстѣлати** – **ὑποστρώννυμι**: 1) подстилать; 2) постилать, стлать и т. д. Глагол **подъкопovati** (подкапывать): соотносится с аналогичным древнегреческим глаголом **διорύσσειν** – 1) прокапывать, прорывать; 2) вести подкоп, проламывать; 3) раскапывать, разрывать, а также 6) подкапывать, подрывать, разрушать и др. Для аналога глагола **прикоупити** (заработать, приобрести) **κερδαίνειν** характерно значение: 1) получить прибыль, пользу, а у

глагола **συνάπτειν** (*прикоупляти*) отмечаются значения: 1) связывать, соединять, сочетать, а также 7) прилегать, примыкать, простираться; 8) находиться в связи, соприкасаться; 9) приближаться, быть близким [5; 18].

Как видим, смягчительная семантика в рассмотренных глаголах практически отсутствует, однако обращение к значениям древнегреческих приставок, встречающихся у глаголов-аналогов старославянских единиц, позволяет отметить значения, входящие в сферу смягчительности. Так, у приставки **κατα-** находим значения: 1) движение вниз (**καταβάλλω**); 2) противодействие или враждебность (**καταγελᾶω**, **καταβοᾶω**); 3) усиление (**κατακόπτω**); 4) переходность (**καταθρηνέω**); 5) завершённость (**καταφαγεῖν**), а также в глаголе **κατάγνυμι** 2) надламывать, подрывать, ослаблять [5].

Для приставки **παρα-** характерны значения: 1) рядоположенность, смежность (**παρίστημι**, **παράλληλοι**); 2) движение мимо (**παροίχομαι**, **παρατρέχω**), а также 5) переделывание, изменение (**παράλλασσω**, **παραπεῖθω**); при этом в некоторых выражениях приставка обозначает приближение к какому-либо качеству или состоянию (**παρ' ὀλίγον εἶναι** – ничего не значить, мало значить) [5].

Среди значений приставки **ὑπο-** выделяются: 1) под- (**ὑπόγειος**); 2) подчинённость (**ὑποστράτηγος**); 3) скрытость, незаметность или постепенность (**ὑπέρχομαι** и т. д.), а также 4) ослабленность, при-близительность качества (**ὑπόλευκος** – беловатый, белесоватый; **ὑπύγλαυκος** – синеватый). Кроме того, отмечаются многочисленные глаголы, в которых присоединение приставки приводит к формированию у них семантики ослабленности действия, его неполноты: **ὑποβαρβαρίζω** – говорить несколько ломаным языком, немного коверкать язык; **ὑποβήσσω**, **ὑποβήττω** – покашливать; **ὑπογίγνομαι**, ион. **ὑπογίνομαι** (**γί**) – постепенно зарождаться, мало-помалу возникать (**τά ὅμματα** Хен.); **ὑποκλαίω** – тихо плакать; **ὑποκλάω** – надламывать; **ὑποκορίζομαι** – называть смягчённым словом, употреблять уменьшительные имена, умалывать, уничижать; **ὑποβρέχω**: 1) немного увлажнять, **υποβεβρεγμένος** – немного выпивший; 2) слегка напиваться [5]. Следует отметить, что в словарях старославянского языка аналогичные единицы отсутствуют.

Для приставки **προσ-** среди прочих значений (а именно: 1) направление (**προσέρχομαι**); 3) смежность или близость (**πρόσκειμαι**) и т. д.) отмечается значение 2) добавление (**προστίθημι**: 1) прикладывать, приставлять, а также 7) приписывать) [5].

Интересен в аспекте данного исследования и префикс **ἐπι-** со значениями: 1) пребывание на чем-л. (**ἐπειμι**) или помещение на что-л. (**ἐπίθημα**); 2) движение против чего-л. (**ἐπιστρατεύω**), к чему-л.

(*ἐπιβοάω*) или до чего-л. (*ἐπιτελέω*); 3) сопровождение (*ἐπαυλέω*); 4) прибавление, избыток (*ἐπιδίδωμι*: 1) (также или сверх того) давать, отдавать, передавать, 8) увеличиваться, расти, разрастаться, возрастать; *ἐπίκτητος* – (вновь) приобретённый) и др. [5]. Зафиксированный в Материалах для Словаря древнерусского языка И.И. Срезневского глагол *приглаголати* имеет аналог *ἐπιλέγειν* – (после чего-л. или при чём-л.) говорить, (к сказанному) добавлять, присовокуплять [5; 19], что можно характеризовать как смысловой оттенок дополнительности, добавочности.

Таким образом, у рассмотренных древнегреческих префиксов наблюдаем отдельные значения – «приблизительность качества», «незначительность действия, ее малая степень», «добавление к чему-то уже имеющемуся», которые можно, как уже отмечалось, причислить к спектру смысловых оттенков смягчительности. Как и в случае с современными славянскими приставками, здесь пространственные и направительные значения приближения к чему-либо, направленность на пространственный предел трансформируются в значения временные и количественные для обозначения незначительности производимого действия, его подобия действию, выполненному в полной мере. В целом отпространственные смыслы рождаются посредством переосмысления пространственного значения, его распространения на сферу обозначения других обстоятельственных характеристик обозначаемого действия. При этом считать, что древнегреческие приставки абсолютно аналогичны славянским аналогам, выступающим в качестве аффиксов в старославянских глаголах, нельзя.

Делая предварительные выводы по рассмотренному материалу, следует отметить незначительное количество «смягчительных» глаголов в старославянском языке и практически отсутствие аналогичных значений у древнегреческих глаголов и префиксов, выступавших аналогами старославянских единиц и зафиксированных в лексикографических источниках (несмотря на наличие значений неполноты действия, добавочности у древнегреческих префиксов *ἐπι-, ὑπο-, παρα-*). При этом некоторые из деривационных моделей, «почерпнутые» из древнегреческого языка, через посредство старославянского языка попадали в словообразовательную систему русского языка и развивались в ней далее. (Ср. древнегреческие глаголы с префиксом *προ-* в значении заранее совершенного, предварительного действия – *προαναίρέω* (заранее уничтожать, губить), *προεπαγγέλλω* (заранее возвещать) и старославянские единицы с приставкой *прѣд-* – *прѣдъпоказати* (заранее указать), *прѣдъполагати* (предполагать); древнегреческие глаголы с префиксом *συν-* в значении одновременности действия – *συγκαθίημι* (одновременно

опускать, складывать), *суукатаѣѡѡ* (жить вместе) и старославянские единицы с приставкой **съ-** с аналогичным значением совместности действия – *съпогresti* (похоронить вместе с кем-либо), *съпожити* (пожить вместе с кем-либо) и др.)

По всей видимости, смягчительно-ограничительная семантика оказалась незначимой в старославянских текстах, в центре внимания которых находились прежде всего вопросы веры, духовной жизни человека, его жизненных установок и ценностей, указания на «полудействия», на степень их результативности, на неопределенность в описании обозначаемых ситуаций не требовалось, «диминутивный фрагмент» картины мира древнего славянина IX–XI вв., как представляется, отсутствовал. Кроме того, живой, игровой характер «смягчительных» единиц, поддерживаемый специальным контекстом, не коррелирует со старославянскими текстами, задумывавшимися как высокая литература, призванная нести истину.

Полный спектр количественно-аспектуальных значений славянских приставок, в том числе смягчительности, неполноты, ограничительности, сложился позднее. Словарь русского языка XI–XVII вв., Материалы для Словаря древнерусского языка, а также Полный церковнославянский словарь Григория Дьяченко [6; 16; 19] свидетельствуют о значительно большем (по сравнению с зафиксированными в словарях старославянского языка) количестве глаголов со значением неполноты действия. Проведенный анализ единиц с префиксами **при-**, **под-**, **по-** демонстрирует значимость для носителя языка смягчительно-ограничительных значений, характеризующих обозначаемые действия с количественного, результативного, временного и других аспектов. Подобные значения выражались в церковнославянском и древнерусском языках глаголами с приставкой **по-**: *побольти* – поскорбеть, потужить; *посвирати* – поиграть в свирель; *побыти* – побыть несколько времени; *пожити* – пожить некоторое время; *поубыти* – убыть несколько, уменьшиться; *поудержати* – удерживать на некоторое время, *поугноити* – дать некоторое время погнить, побродить; *поужаснутися* – поужасаться некоторое время; *поукръпити* – укрепить в некоторой степени; *поукрытися* – спрятаться на некоторое время; *похлѣбати* – похлебать [6; 16; 19].

Вызывает интерес большее, чем с другими приставками, сочетание префикса **по-** с глаголом, уже имеющим приставку **у-**. Вторичный в данном случае префикс взаимодействует с первичной приставкой и корнем, внося общее значение неполноты, ограниченности действия, указывает на то, что оно совершенно не в той мере, в какой должно быть. Тем более что приставка **у-** явно указывает на завершенность действия, как правило, в результате его интенсивного исполнения

(можно укрепить до конца, а можно слегка, чтобы сейчас, в данный момент что-то не разрушилось; можно сгноить что-то вообще, а можно дать совершиться действию не в полной мере, отведя на это небольшое количество времени). Таким образом многоприставочный глагол позволяет обозначить сложное в аспектологическом смысле действие: происходит совмещение значений, выраженных первичной и вторичной приставками, их приспособление друг к другу.

Не менее продуктивна в выражении неполноты, ограниченности действия приставка **при-**: *пригашиати* – слегка гасить; *пригнути* – пригнуть; *призадуматися*; *призолотити* – слегка позолотить, местами; *присиживати* – садиться на короткое время; *прислабнути* – несколько ослабнуть; *притихнути* – несколько успокоиться (чаще о больном); *притыхати* – становиться несколько затхлым (о зерне); *приумолкнути* – умолкнуть на короткое время; *прихворати* – заболеть на некоторое время; *причеркнути* – кратко написать; *пришепелювати* – слегка шепелявить [6; 16; 19]. Не менее продуктивен данный префикс и в значении дополнительного действия: *привозлагати* – лишнее добавлять; *прикжпнати* – прикупить, приобрести; *приливати* – подливать, доливать; *приложити* – прибавить, добавить; *примышляти* – прибавлять к прежнему приобретению; *приввести* – ввести дополнительно; *привнести* – внести дополнительно; *придълити* – придать, прибавить; *придати* – придать, добавить; *придобыти* – добыть к уже имеющемуся; *приистошити* – истратить дополнительно; *припрашивати* – просить что-то вдобавок; *присажати* – сажать дополнительно и др. [6; 16; 19].

Особо следует отметить, что в дефинициях указанных глаголов прямо (через указатели «мало», «слегка», «некоторое время») или опосредованно (через приводимые контексты (*мало врьма, хлѣбца немношко, часть села* и т. п.) маркируется смягчительно-ограничительная семантика единиц.

Церковнославянские глаголы с приставкой **под-**, как правило, сохраняют семантические компоненты «снизу», «сбоку» и не реализуют смягчительного и добавочного значения (как в русском языке): *подниматися*; *подъпирати*; *подължнати* – облупить снизу; *подпръти* – подгнуть (под снегом), а также переносное *подъмълувати* – подстрекать [19].

Отметим, что значительное количество глаголов со смягчительно-ограничительным префиксом **по-**, как уже отмечалось, вполне объясняется его свободным от указания на пространственный предел значением, развившимся далее в отпространственное значение ограничения действия в целом, близостью его семантики к общерезультативной.

Что касается приставки **при-**, то для нее исконным значением в славянских языках было пространственное – «приближение к какой-то точке», «близость к чему-то». По мнению исследователей, такое действие протекает по поверхности, неглубоко, приставка «оставляет невыраженной сему предела перемещения» [3: 37–38]. Смягчительное значение префикса формируется как результат семантической трансформации пространственной семантики: приближение к чему-то без нарушения границ трактуется как не абсолютное, то есть неполное приближение, а значит, неполное действие вообще. Пространственные параметры действия («близость чего-то», «приближение к чему-то») преобразуются в количественные показатели, указывают на неполный охват действием объекта, малую степень интенсивности действия. Как уже отмечалось, приставка в данном случае выступает как своего рода оператор, профилирующий называемую глаголом тематическую область, указывающий на то, что действие реализуется не в полной мере по сравнению с аналогичным действием при его обычном течении.

Сравнивая исконные пространственные значения приставок **при-** и **под-**, можно увидеть, что **под-** сохраняет в своей семантике сему «непосредственной близости», пространственную характеристику «снизу», «рядом», а **при-** в исследуемых глаголах актуализирует семы «приближения», «появления» объекта, не маркируя место присоединения к нему. На наш взгляд, последняя характеристика, сохраняющаяся и в диминутивном значении приставки, делает возможным сочетание смягчительного префикса **при-** с широким кругом глагольных основ. Конкретные с пространственной точки зрения семы «снизу вверх», «сбоку и снизу» делают приставку **под-** более «разборчивой» по сравнению с **при-** в сочетании с глагольными основами и первичными префиксами, которые на уровне денотативного значения не должны противоречить указанным выше семам: **подвстать* (но *привстать*) и, наоборот, **принакидать* (но *поднакидать*) и т. п.) [9: 136]. При этом для современного русского языка с его развитой «системой» смягчительных смыслов возможна и синонимия префиксов, если они выступают как вторичные: *подзавянуть* – *призавянуть*, *поднатужиться* – *принатужиться*; *подзадержаться* – *призадержаться*. Подобная конкуренция приставок (с точки зрения современного русского языка) для старославянского (а также церковнославянского) языка была не характерна еще и потому, что префикс **под-** в принципе малопродуктивен в старославянском, а затем и в церковнославянском языке. Как считает З.И. Годизова, образование основного массива русских аттенуативных (смягчительных) глаголов с **под-** приходится на XVI–XVII вв. [4: 38].

Таким образом, проведенное исследование демонстрирует собственную траекторию развития диминутивных средств в сфере обозначения действия в русском языке, невозможность заимствования «смягчительных» префиксальных моделей из старославянского языка в русский из-за крайне незначительного количества в старославянском языке префиксальных глаголов со смягчительной семантикой. При этом в данном языке отмечается преобладание пространственных и предельных значений по сравнению с другими у приставок **при-, по-, под-**, выступающих в русском языке маркерами диминутивной семантики. Для церковнославянского и далее русского языков характерны наращивание спектра значений смягчительности (неполноты действия, добавочного действия, прерывистого действия и т.д.), своего рода конкуренция смягчительных приставок **при-** и **по-**; наблюдается постепенное введение в оборот приставки **под-** с пространственной семантикой в церковнославянском языке и в добавочном и смягчительном значениях в русском языке. Для глаголов со смягчительной семантикой, функционирующих в русском языке, характерно приращение новыми единицами на протяжении нескольких веков, что свидетельствует о значимости данных единиц для носителей языка. По всей видимости, смягчительность является неотъемлемым свойством русского глагола, отражающим общие тенденции в интерпретации действия в языке с учетом особенностей русского мировосприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Неопределенность признака в русском дискурсе // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995. С. 182–189.
2. Арутюнова Н.Д. От редактора // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995. С. 3–6.
3. Волохина Г.А., Попова З.Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1993. 196 с.
4. Годизова З.И. История глаголов интенсивных способов действия в русском языке IX–XVII вв.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Владикавказ, 2012. 52 с.
5. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. / сост. И.Х. Дворецкий; под ред. С.И. Соболевского. М.: ГИС, 1958. Т. 1–2. 1904 с.
6. Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М.: Типография Вильде, 1899. 1159 с.

7. Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию М.: Языки русской культуры, 2000. 221 с. (Studia philologica)
8. Картины русского мира: аксиология в языке и тексте / [Л.П. Дронова, Л.И. Ермоленкина, Д.А. Катунин и др.]; отв. ред. З.И. Резанова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 356 с.
9. Королева Ю.В. Полипрефиксальные глаголы в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003. 262 с.
10. ациональный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.05.2022).
11. Петрухина Е.В. Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской) // Русское слово в мировой культуре : материалы X Конгресса МАПРЯЛ Пленарные заседания. СПб., 2003. С. 426–433.
12. Плунгян В.А. Приставка под- в русском языке: к описанию семантической сети // Московский лингвистический журнал. 2001. Т. 5, № 1. С. 95–124.
13. Резниченко Л.Ю. Диминутивность как средство моделирования лингвокультурной и лингвopsихологической картины мира // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 5. С. 85–92.
14. Ройзензон Л.И. Славянская глагольная полипрефиксация: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 1970. 104 с.
15. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 3. 752 с.
16. Словарь русского языка XI–XVII вв. / под ред. С.Г. Бархударова. М.: Наука, 1992. Вып. 18. 290 с.
17. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова. М.: Рус. яз., 1994. 842 с.
18. Словарь старославянского языка: в 4 т. / под ред. Р.А. Алексеев, А.С. Герд. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. Т. 3. 680 с.
19. Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка: в 3 т. М.: Знак, 2003. Т. 2. 919 с.
20. Старикова Г.Н. Номинативный состав языка русинов как отражение национально-специфических условий жизни народа // Русин. 2019. № 56. С. 149–165. DOI: 10.17223/18572685/56/9
21. Филь Ю.В., Резанова З.И. Dáme si pivko nebo čajíček? Жанровые и контекстуальные условия использования диминутивов в русском и чешском языках // Русин. 2018. № 2 (52). С. 193–206. DOI: 10.17223/18572685/52/14

REFERENCES

1. Arutyunova, N.D. (1995) Neopredelennost' priznaka v russkom diskurse [Uncertainty of a sign in Russian discourse]. In: Rybtseva, N.K. & Arutyunova, N.D. (eds) *Logicheskiy analiz yazyka. Istina i istinnost' v kul'ture i yazyke* [Logical

Analysis of Language. Truth and Verity in Culture and Language]. Moscow: Nauka. pp. 182–189.

2. Arutyunova, N.D. (1995) Ot redaktora [Editorial] In: Rybtseva, N.K. & Arutyunova, N.D. (eds) *Logicheskii analiz yazyka. Istina i istinnost' v kul'ture i yazyke* [Logical Analysis of Language. Truth and Verity in Culture and Language]. Moscow: Nauka. pp. 3–6 (in Russian).

3. Volokhina, G.A. & Popova, Z.D. (1993) *Russkie glagol'nye pristavki: semanticheskoe ustroystvo, sistemnye otnosheniya* [Russian verbal prefixes: the semantic structure and systemic relationships]. Voronezh: Voronezh State University.

4. Godizova, Z.I. (2012) *Istoriya glagolov intensivnykh sposobov deystviya v russkom yazyke IX–XVII vv.* [The history of verbs of intensive modes of action in the Russian language of the 9th – 17th centuries]: Abstract of Philology Dr. Diss. Vladikavkaz.

5. Dvoretzkiy, I.Kh. (1958) *Drevnegrechesko-russkiy slovar': v 2 t.* [Ancient Greek-Russian dictionary. In 2 vols]. Moscow: GIS.

6. Dyachenko, G. (1899) *Polnyy tserkovnoslavjanskiy slovar'* [Complete Church Slavonic Dictionary]. Moscow: Tipografiya Vil'de.

7. Zaliznyak, A.A. & Shmelev, A.D. (2000) *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to Russian Aspectology]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

8. Dronova, L.P., Ermolenkina, L.I., Katunin D.A. et al. (2005) *Kartiny russkogo mira: aksiologiya v yazyke i tekste* [Pictures of the Russian World: Axiology in Language and Text]. Tomsk: Tomsk State University.

9. Koroleva, Yu.V. (2003) *Poliprefiksial'nye glagoly v russkom yazyke* [Multiprefixal verbs in the Russian language]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

10. Ruscorpora.ru. (n.d.) *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. [Online] Available from: <http://www.rus-corpora.ru> (Accessed: 30th May 2022).

11. Petrukhina, E.V. (2003) Dominantnye cherty russkoy yazykovoy kartiny mira (v sravnenii s cheshskoy) [Dominant features of the Russian language picture of the world (in comparison with the Czech one)]. *Russkoe slovo v mirovoy kul'ture* [Russian Word in World Culture]. Proc. of the Tenth Congress. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 426–433.

12. Plungyan, V.A. (2001) Pristavka pod- v russkom yazyke: k opisaniyu semanticheskoy seti [The prefix pod- in Russian: to the description of the semantic network]. *Moskovskiy lingvisticheskiy zhurnal*. 5(1). pp. 95–124.

13. Reznichenko, L.Yu. (2009) Diminutivnost' kak sredstvo modelirovaniya lingvokul'turnoy i lingvopsikhologicheskoy kartiny mira [Diminutiveness as a means of modeling the linguocultural and linguopsychological picture of the world]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 5. pp. 85–92 (in Russian).

14. Royzenzon, L.I. (1970) *Slavyanskaya glagol'naya poliprefiksatsiya* [Slavic verbal polyprefixation]. Abstract of Philology Dr. Diss. Minsk.

15. Evgenieva, A.P. (ed.) (1985) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Language]. Vol. 3. Moscow: Russkiy yazyk.
16. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1992) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th century]. Vol. 18. Moscow: Nauka.
17. Tseytlin, R.M., Vecherka, R. & Blagova, E. (eds) (1999) *Staroslavjanskij slovar' (po rukopisyam X–XI vv.)* [The Old Slavic dictionary (based on the manuscripts of the 10th – 11th century)]. Moscow: Russkiy yazyk.
18. Alekseev, A.A. & Gerd, A.S. (eds) (2006) *Slovar' staroslavjanskogo yazyka* [Dictionary of the Old Slavonic Language]. Vol.3. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
19. Sreznevskiy, I. I. (2003) *Materialy dlya Slovarya drevnerusskogo yazyka* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language]. Vol. 2. Moscow: Znack.
20. Starikova, G.N. (2019) The nominative composition of the Rusin language as the evidence of the culture-specific living conditions of the people. *Rusin*. 56. pp. 149–165 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/56/9
21. Fil, Yu.V. & Rezanova, Z.I. (2018) Dame si pivko nebo cajicek? Genre and contextual conditions of diminutives use in Russian and Czech languages. *Rusin*. 2(52). pp. 193–206 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/14

Филь Юлия Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Yulia V. Fil – Tomsk State University (Russia).

E-mail: 2fil@inbox.ru

Конончук Инесса Яковлевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Inessa Y. Kononchuk – Tomsk State University (Russia).

E-mail: ineskon@mail.ru